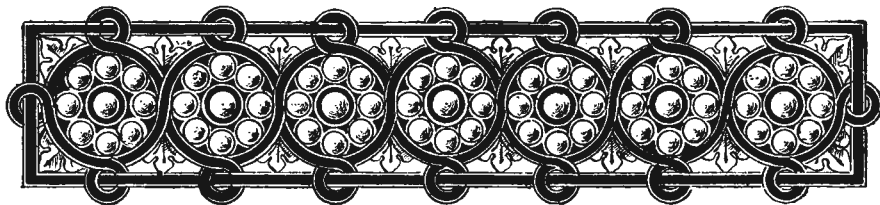

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ІЮЛЬ, 1910 Г.

ВЪ ГОСТЯХЪ У ХАНА НАСРЪ-ЭДДИНА.

ВЪ 1873 г. было учреждено наше военное агентство въ сѣдномъ Коканскомъ ханствѣ, и первымъ военнымъ агентомъ назначенъ возвратившійся изъ Петербурга Скобелевъ, только что женившійся, произведенный въ полковники и назначенный флигель-адъютантомъ.

Въ помощь ему, въ качествѣ военнаго топографа, былъ назначенъ подпоручикъ одного изъ туркестанскихъ батальоновъ Рудневъ и для конвоя придано нѣсколько казаковъ. Волею судьбы полковникъ Скобелевъ былъ первымъ и послѣднимъ военнымъ агентомъ, такъ какъ вскорѣ послѣ его прибытія въ Кокандъ жители Ферганы, выведенные изъ терпѣнія жестокостями и чрезмѣрными поборами своего хана Худояра, подняли знамя возстанія, перебили чиновниковъ и осадили ханскій дворецъ. Худояръ-ханъ за три года управленія истребилъ до 20 тысячъ своихъ подданныхъ, и, кромѣ того, народъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ и постоянныхъ поборовъ. Ханъ самъ занимался ростовщичествомъ и, монополизируя нѣкоторые виды торговли, нажилъ отъ своихъ подданныхъ миллионы рублей.

Во главѣ возстанія былъ молодой сынъ Мусульманъ-Кула Абдурахманъ. Онъ объявилъ о низложеніи хана, и на его мѣсто былъ объявленъ ханомъ сынъ Худояра—Насръ-Эддинъ. Самому Худояру, спасая свою жизнь и захваченную казну, пришлось бѣжать въ Россію, и онъ присоединился къ уѣзжавшему русскому военному агентству, что вызвало нападеніе со стороны бунтовщиковъ, желавшихъ захватить, если не самого хана, то хотя забран-

ную имъ казну, и, только благодаря героической храбрости какъ самого Скобелева, такъ и горсти его конвоя, имъ удалось пробиться въ Ходжентъ.

Увлеченные этимъ преслѣдованіемъ, разсерженные неудачами, а равно и гостепріимствомъ, оказаннымъ нашимъ правительствомъ низложенному хану, отдѣльныя шайки коканцевъ не остановились на границѣ, но вторгнулись въ наши предѣлы, гдѣ къ нимъ присоединились всѣ недовольные изъ нашихъ новыхъ подданныхъ сартовъ, и скоро весь Ходжентскій уѣздъ, за исключеніемъ городовъ, гдѣ стояли гарнизоны, оказался во власти шаекъ.

При быстромъ и неожиданномъ нападеніи шайкамъ удалось захватить на ходжентскомъ базарѣ нѣсколько русскихъ женщинъ, на станціи Мурза-рабѣтъ двухъ подпрапорщиковъ Колусовскаго и Эхгольма, ѣхавшихъ, по окончаніи училища, въ полкъ, и всѣхъ этихъ плѣнныхъ отправить въ Кокандъ. Были разграблены всѣ почтовые станціи, сожжены близъ Ходжента стеклянный заводъ Фавицкаго, около селенія Нау ограблены и убиты казначей Васильевъ и докторъ Петровъ, а головы ихъ, вмѣстѣ съ двумя малолѣтними дочерьми доктора, тоже были отправлены, какъ трофей, къ коканскому хану.

Всѣ эти дешевые успѣхи вскружили азіатскія головы. Муллы объявили «хазаватъ», т.-е. священную войну противъ христіанъ, и громадныя полчища подъ начальствомъ того же Абдурахмана стягивались къ приграничной крѣпости Махраму.

Все это заставило бывшаго въ то время командующаго войсками генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана 1-го быстро сформировать отрядъ и форсированнымъ маршемъ подступить къ Махраму, гдѣ коканцы были разбиты на голову, а крѣпость взята штурмомъ.

Затѣмъ наши войска продвинулись къ гор. Коканду и въ трехъ верстахъ отъ него стали бивуакомъ противъ Сары-Мазарскихъ воротъ, которыя заняла наша пѣхота.

Ханъ выслалъ въ нашъ отрядъ всѣхъ плѣнныхъ и просилъ мира, впередь соглашаясь на всѣ условія, лишь бы сохранить хотя часть владѣній и свой тронъ.

Пока тянулись переговоры и писались условія мира, намъ, строевымъ офицерамъ, нечего было дѣлать, а сознаніе, что всего за три версты городъ живетъ своею, совершенно своеобразною жизнью, подстрекало любопытство. Хотѣлось взглянуть и на жизнь еще самостоятельнаго деспота, съ его восточною роскошью, гаремами, ужасными казнями и вообще взглянуть на восточную жизнь, еще не тронутую цивилизаціей. Если не воспользоваться этимъ случаемъ, то другой могъ и не повториться. Переговоры могли прерваться во всякое время, Кокандъ быть взятъ, и тогда бы онъ не представлялъ большого интереса, чѣмъ остальные русскія владѣнія въ Средней Азій. Открытыхъ враждебныхъ противъ меня дѣйствій въ непріятель-

скомъ городѣ я не боялся. Сарты отлично сознавали, что это повредило бы перемирію и повлекло бы за собою увеличеніе контрибуціи и другія репрессивныя мѣры, и я отправился къ моему начальнику просить разрѣшить поѣздку. Баронъ Меллеръ прямого разрѣшенія не далъ, но сказалъ, что если я поѣду, то онъ объ этомъ постарается не знать, но предупредилъ, что, кромѣ риска быть пристрѣленнымъ какимъ-либо фанатикомъ, меня могутъ захватить и по распоряженію самого хана, чтобы затѣмъ выдать взамѣнъ части контрибуціи и что тогда я буду преданъ военному суду за дезертирство къ непріятелю. Въ тотъ же день послѣ полудня ханъ ожидался въ лагерь для личныхъ переговоровъ съ Ярымъ-падишахомъ (получаремъ), и Меллеръ совѣтовалъ скорѣе вернуться, на случай, если бы переговоры были прерваны.

Обрадованный такимъ полуразрѣшеніемъ, я долго не собирался. Пригласивъ двухъ товарищей, Норманскаго и Любомирова, и взявъ служившаго у меня джигита въ качествѣ переводчика, мы четверо верхами уже чрезъ полчаса, переѣхавъ чрезъ тройной рядъ рововъ, въѣхали чрезъ ворота въ четырехсаженной стѣнѣ въ непріятельскій городъ.

Кокандъ рѣзко отличался отъ другихъ городовъ Туркестана своими широкими улицами и бульварами. Даже попадались кирпичные дома богатыхъ купцовъ, побывавшихъ въ Россіи, съ окнами прямо на улицу, чрезъ которыя была видна европейская обстановка парадныхъ комнатъ, но скоро намъ пришлось убѣдиться, что цивилизующее вліяніе Европы дальше этихъ оконъ и дверей на улицу не пошло.

На одномъ изъ бульваровъ намъ встрѣтился сартъ, несшій на рукахъ небольшую дѣвочку лѣтъ 8—9. Дѣвочка была очень худа, съ большими грустными черными глазами, одѣтая въ одну длинную рубашку изъ англійской кисеи. Миловидное личико ребенка было немного испорчено слѣдами бывшей коканки (родъ проказы, сильно распространенной между туземцами).

Поравнявшись съ нами, сартъ посадилъ дѣвочку прямо на пыльную дорогу и, что-то крича намъ, сталъ горючливо стягивать съ нея рубашку и такъ какъ это ему не удавалось, то онъ наградилъ ее такимъ ударомъ кулака по головѣ, что бѣдная жертва въ обморочномъ состояніи упала.

Чрезъ переводчика мы узнали, что сартъ только что отобралъ эту дѣвочку за долги отъ какой-то вдовы и предлагалъ намъ купить ее на время нашего пребыванія въ городѣ за пять тилей, т. е. за 20 рублей.

Нашъ джигитъ намочилъ голову дѣвочкѣ, она очнулась и начала плакать. Если кто изъ насъ, желая ее утѣшить, подходилъ къ ней, то она съ крикомъ ужаса убѣгала, бросаясь на шею къ своему мучителю, чрезъ котораго мы подарили ей нѣсколько бре-

локовъ отъ часовъ, и она, утѣшившись, тутъ же стала привѣшивать ихъ къ своимъ волосамъ. Дали нѣсколько рублей и сарту, приказавъ нести ее домой, и старались внушить ему, что онъ можетъ быть ея убійцею, продавая такую еще совершенно не сформировавшуюся дѣвочку и что и Аллахъ караетъ убійць; но чрезъ переводчика получили отвѣтъ, что если она по волѣ Аллаха умретъ — то ему изъянъ будетъ, но что если выживетъ, то ему большой барышъ будетъ!

Послѣ такого отвѣта мы увидѣли, что словами этого торговца живымъ товаромъ не проймешь, а другихъ способовъ въ чужомъ городѣ у насъ не было, и мы, бросивъ его, поѣхали на базаръ.

Въ то время коканскій базаръ былъ самый богатый во всемъ Туркестанѣ.

Тамъ можно было найти все, что производила страна, и, кромѣ того, привозные товары изъ Россіи, Персіи, Англіи и Индіи. На мѣстныхъ издѣлія, напр., ковры, шелковыя ткани, мозаичныя издѣлія изъ бирюзы, каракулевыя халаты и мѣдныя издѣлія чеканной работы цѣны были баснословно дешевыя.

Продвигаясь отъ лавки къ лавкѣ, мы прошли почти весь базаръ и попали въ мясные ряды, гдѣ около одной изъ лавокъ собралась очень волнующаяся и кричащая толпа. Когда мы подъѣхали, толпа разступилась, и мы увидѣли ужасную картину. Посреди грязной, немощенной улицы, въ громадной лужѣ крови валялся трупъ только что зарѣзаннаго молодого сарта. Онъ былъ босъ, почти голый. На немъ ничего не было, кромѣ короткихъ полосатыхъ шароваръ, доходящихъ до колѣна. Голова почти отдѣлилась отъ туловища, держась лишь на хребетномъ столбѣ, руки связаны на спинѣ, лица не было видно, такъ какъ онъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ землю.

Оказалось, что сегодня ханъ уже разбиралъ судныя дѣла и всѣхъ приговоренныхъ къ казни привели на базаръ и заперли въ одну изъ пустыхъ мясныхъ лавокъ, откуда они, а ихъ было 6 человекъ, чрезъ двери и щели въ деревянной стѣнѣ лавки, смотрѣли на казнь и переговаривались съ родственниками, торопясь проститься и передать послѣднія приказанія, пока еще не дошла до нихъ очередь быть зарѣзанными.

Отсутствіе ли женщинъ и дѣтей, или по тупой покорности судьбѣ, по на лицахъ какъ самихъ осужденныхъ, ихъ родственниковъ, такъ и праздно толпы не видно было ужаса; всѣ болтали, кричали, и нѣкоторые даже смѣялись!

Около зарѣзаннаго и уже застывшаго трупа стоялъ высокаго роста и кривой на одинъ глазъ палачъ, одѣтый въ красный ватный халатъ, съ засученными рукавами. Одна изъ рукъ и очень тонкій, немного кривой и длинный ножъ, который онъ держалъ, были запчаканы въ крови. Палачъ изрѣдка лизалъ съ ножа человѣче-

скую кровь и косилъ свой единственный глазъ на публику, желая подмѣтить, какое это производитъ впечатлѣніе. Ему хотѣлось бы возможно болѣе утратить ее, чтобы она была щедрѣе.

Палачъ опредѣленнаго содержанія и даже поштучной платы, какъ у насъ, не получалъ и жилъ на взятки, получаемыя отъ родныхъ казненныхъ.

У сартовъ головъ не рубили, а людей рѣзали по тому же способу, какъ они рѣжутъ барановъ, т. е. лезвіе очень остраго и тонкаго ножа протыкается съ одной стороны шеи на другую и затѣмъ быстро протягивается впередъ, такъ что если ножъ былъ воткнутъ между шейными позвонками и сонными артеріями, то при движеніи ножа впередъ артеріи перерѣзались и получалась огромная рана, и смерть наступала почти мгновенно, но если палачъ былъ недоволенъ подаркомъ, то онъ прорѣзалъ только переднюю часть горла и казненный мучился долгое время, храпя и истекая кровью.

Казнь остальныхъ воровъ была приостановлена, такъ какъ ихъ родственники и даже сами потерпѣвшіе отправились съ подарками къ хану просить о смягченіи приговора и скоро пріѣхалъ придворный, объявивъ, что ханъ замѣнилъ смертную казнь отрубаніемъ пальцевъ лѣвой руки, что откладывается до слѣдующаго дня.

По рассказамъ палача, вору отрубаетъ пальцы тотъ же палачъ, у тѣхъ же мясныхъ лавокъ, пользуясь тѣмъ же топоромъ и тѣмъ же обрубокъ дерева, которые употребляются въ той лавкѣ при рубкѣ бараньяго мяса. Руку, у которой палачъ отрубилъ пальцы или всю кисть (тоже смотря по взяткѣ), сейчасъ же окунаютъ на секунду въ котелокъ съ кипящимъ бараньимъ саломъ и затѣмъ оперированнаго отпускаютъ на всѣ четыре стороны.

Въ кипящее сало опускаютъ изуродованную руку не съ цѣлью увеличить боль и страданія казнимаго, но для предупрежденія гангрены, и, по ихъ словамъ, послѣ такого варварскаго леченія, рука заживаетъ быстро и безъ особаго леченія.

Казни же знатныхъ лицъ, особенно важныхъ преступниковъ, или посаженіе на колъ всегда обставлялись особой торжественностью и производились на дворцовой площади.

Для посаженія на колъ приговореннаго привязывали къ арбѣ, перегнувъ его пополамъ, а къ другой арбѣ, такой же самой высоты, привязывался длинный, толщиною въ двѣ руки, заостренный колъ, и эту арбу шесть человекъ накатывали на преступника, а палачъ направлялъ остріе кола, который сразу влѣзалъ на полъ-аршина въ тѣло казнимаго, при чемъ послѣдній послѣ короткаго крика впадалъ въ безпамятство, тогда его и колъ, въ него всаженный, отвязывали отъ обѣихъ арбъ, колъ поднимали и вставляли его толстымъ, тупымъ концомъ въ яму и укрѣпляли въ вертикальномъ положеніи.

Черезъ нѣкоторое время сознание возвращалось, казненный кричалъ, конвульсивно шевелился и тѣмъ помогаль колу еще глубже войти въ его тѣло, и такъ повторялось до тѣхъ поръ, пока колъ не повреждалъ какихъ-либо важныхъ внутреннихъ органовъ, или казненный не исходилъ кровью.

Тутъ такъ же, какъ и въ описанныхъ выше казняхъ, все зависѣло отъ ловкости палача, т. е. отъ полученнаго имъ подкупа. При желаніи подолѣе помучить колъ направлялся не прямо по направленію къ желудку, а въ бокъ и онъ ушрался въ ребра, и тогда казненный могъ жить, сидя на колѣ, болѣе сутокъ.

Когда Скобелевъ вступилъ въ Маргеллагъ, то на площади еще валялись тѣла русскихъ плѣнныхъ, которыхъ наканунѣ Пулатъ-ханъ посадилъ на колы, при чемъ тѣла рядовыхъ казаковъ уже совершенно окостенѣли, тѣло же поручика Святополкъ-Мирскаго было еще тепло. Видимо, онъ скончался много позже остальныхъ казненныхъ.

Описанный базаръ прилегалъ къ дворцовой площади, на которой полукругомъ стояли нѣсколько десятковъ орудій, изъ которыхъ не было и двухъ одинаковыхъ. Изъ большинства этихъ пушекъ никогда не стрѣляли. И небезопасно, да и нѣтъ ядеръ подходящаго калибра, но все же это были пушки, которыхъ не было у мелкихъ бековъ, и это придавало особый блескъ и хану, и его войску. Когда же эти пушки попадались русскимъ войскамъ, то начальниковъ тѣхъ частей, согласно статуту, представляли къ Георгію, а затѣмъ само орудіе, какъ уже окончательно использованное, бросалось въ первомъ же русскомъ укрѣпленіи, тѣмъ болѣе, что оно было чугунное и, какъ ломъ, не представляло никакой цѣнности.

Самый дворецъ хана стоялъ на небольшомъ холмѣ, бока котораго были вертикально срѣзаны и облицованы камнемъ. Стѣны дворца всѣ облицованы разноцвѣтнымъ кафелемъ съ преобладаніемъ зеленаго и желтаго цвѣтовъ. Изъ этихъ кафелей на стѣнахъ получалась красивая узорчатая ткань съ изображеніемъ льва надъ воротами и арабскими надписями и арабесками на стѣнахъ, такъ что видъ дворца былъ красивъ, несмотря на отсутствіе оконъ. Дворецъ окружался тремя стѣнами, въ пространствѣ между которыми были построены сакли для придворнаго штата и казармы для солдатъ. Въ каждой стѣнѣ было лишь по однимъ воротамъ, всегда занятымъ сильнымъ карауломъ. Благодаря небольшому «бешкешу» (взяткѣ), начальникъ караула первыхъ воротъ взялся выхлопотать намъ аудіенцію у хана, но во вторыхъ воротахъ съ насъ вновь взяли бешкешъ и пропустили только до третьихъ и лишь тамъ къ намъ вышелъ уданчи, т. е. церемоніймейстеръ, сейчасъ же попросившій бешкешъ, и, удовольствовавшись нѣсколькими рублями, пошелъ съ докладомъ къ хану.

Через полчаса насъ позвали во дворецъ, потребовавъ, чтобы мы сняли оружiе и оставили его въ караулѣ; но мы наотрѣзъ отказались, заявивъ, что по нашимъ обычаямъ было бы оскорбленiемъ для хана, если бы мы осмѣлились явиться къ нему безъ оружiя и что мы скорѣе откажемся отъ аудiенци, чѣмъ рѣшимся на такой поступокъ, и намъ разрѣшили, вынуть револьверы изъ кобуръ, спрятать ихъ въ голенища нашихъ сапогъ.

Приемъ былъ во внутреннемъ дворѣ, обнесенномъ со всѣхъ четырехъ сторонъ крытою галереєю, середина же двора была безъ крыши и на половину занята бассейномъ. Полъ галереи былъ выше пола двора на аршинъ, и на положенномъ на полу бархатномъ тюфякѣ, набитомъ ватою, сидѣлъ, поджавъ по восточному ноги, ханъ Насръ-Эддинъ, одѣтый въ пунцовый бархатный, шитый золотомъ халатъ, съ бѣлою изъ англiйской кисеи чалмою на головѣ, которая отгнѣяла его молодое, красивое, смуглое лицо съ небольшою черною бородою.

Придворные и министры находились подъ навѣсами другихъ трехъ галерей и сидѣли на простыхъ камышевыхъ цыновкахъ и только одинъ ближайшiй ханскiй совѣтчикъ мулла Исса-Аулие (впослѣдствiи высланный въ Россiю) сидѣлъ на небольшомъ коврикѣ. Когда ханъ обращался къ кому-либо изъ нихъ, то тотъ раньше, чѣмъ отвѣтить, проводилъ ладонями рукъ по своему лицу, бородѣ, брался руками за животъ и кланялся въ сторону хана, касаясь лбомъ до выложеннаго кафельными кирпичами пола. Насъ подвели вплотную къ галереѣ, гдѣ сидѣлъ ханъ, и мы пожелали ему «ассалямъ-алейкумъ» (здравiя желаемъ), на что онъ, поблагодаривъ, спросилъ насъ о здоровьи ярымъ-падишаха (полуцаря, генерала Кауфмана) и нашемъ. Незадолго до того прочтенное мною сочиненiе Вамбери помогло мнѣ сказать витiеватую привѣтственную рѣчь въ чисто восточномъ вкусѣ и когда ее переводилъ мой джигитъ, то ханъ все повторялъ слово «хощъ», выражая тѣмъ свое удовольствiе, но въ концѣ рѣчи я упомянулъ о его гуманности и отмѣнилъ въ тотъ день смертныхъ казней и выразилъ надежду, что скоро смертные приговоры будутъ въ видѣ исключенiй, воры не будутъ калѣчиться, а заключаться въ тюрьмы; но ханъ сказалъ, что онъ очень сожалѣеть, что мы опоздали и не видѣли, какъ онъ въ то утро кормилъ преступникомъ двухъ огромныхъ сомовъ, живущихъ въ садовомъ прудѣ. Каждый четвергъ одного изъ приговоренныхъ къ казни съ полусвязанными ногами бросаютъ въ прудъ съ отвѣсными берегами противъ стеклянной галереи ханскаго гарема. Брошенный старается переплыть и вылѣзть на противоположный берегъ бассейна, гдѣ нѣтъ стражи, но и опытные сомы не дремлютъ и хватаютъ за голыя ноги осужденнаго, стараясь втянуть его въ глубь. Несчастный, которому общана жизнь, если онъ выберется на берегъ, отбивается отъ этихъ прожорливыхъ рыбъ, имѣя

свободными лишь руки, а на эту борьбу, окончивающуюся всегда побѣдою рыбь, съ хохотомъ любятъ ханъ и его гаремъ.

Когда позже Кокандъ былъ взятъ русскими, то одинъ изъ сомовъ еще былъ живъ, и разъ рядовой 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, полоща въ томъ прудѣ рубаху, былъ схваченъ за руку подкравшимся сомомъ, о которомъ не знали или забыли. Къ счастью, солдатикъ отдѣлался сильнымъ пораненіемъ пальца о зубы рыбы. Сейчасъ же выпустили воду изъ бассейна и на днѣ, между человѣческими костями, лежалъ толстый сомъ около сажени длиною. Его убили, а мясо, по распоряженію командира стрѣлковой бригады, роздали на ротныя кухни, но, понятно, этой ухи никто не ѣлъ, и послѣ отсылки пробныхъ процій начальству ее вылиди изъ котловъ.

Послѣ разказа хана о только что бывшей его забавѣ съ сомами у меня пропала всякая охота продолжать аудіенцію, мнѣ захотѣлось поскорѣе выбратъся изъ дворца, и я просилъ хана разрѣшить осмотрѣть дворець и садъ. Ханъ былъ въ хорошемъ расположеніи и сейчасъ же приказалъ своему церемоніймейстеру все намъ показать, угостить традиціоннымъ пловомъ и одарить, согласно обычаю, халатами; но въ это время одинъ изъ моихъ товарищей, поручикъ Любомировъ, вставилъ и свою просьбу—разрѣшить намъ осмотрѣть ханскихъ лошадей. Ханъ сразу нахмурился и, видимо, сердясь, сталъ почти кричать, что будто бы всѣ лучшія лошади отца во время его бѣгства попали въ руки русскимъ, а своихъ лошадей онъ отправилъ внутрь ханства, и мы ихъ не получимъ и никогда не увидимъ. Вѣроятно, ханъ, по своей азіатской подозрительности, подумалъ, что цѣлью нашей поѣздки было выглядѣть, какія у него лошади и гдѣ стоятъ, чтобы затѣмъ легче было ихъ захватить. Разубѣдить его въ этомъ было нельзя, такъ какъ онъ сразу объявилъ объ окончаніи аудіенціи и что онъ сейчасъ же ѣдетъ въ лагерь для продолженія переговоровъ съ Кауфманомъ о мирѣ.

Церемоніймейстеръ, не показывая залъ дворца, повелъ насъ чрезъ особый немощный дворикъ, гдѣ каждое утро ханъ любитъся на драку собакъ и бои куропатокъ и перепеловъ. Къ этому двору прилегалъ садъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ толстою глинобитною стѣною въ нѣсколько сажень высоту. Садъ былъ очень хорошъ; кромѣ мѣстныхъ растеній, въ саду были растенія южнаго Китая и Индіи, а подъ высокимъ навѣсомъ для защиты отъ солнца росло нѣсколько штукъ чахлахъ сосенъ и елей. Но всѣмъ этимъ мы могли любоваться, лишь стоя на одномъ мѣстѣ, а вглубь сада насъ не пустили, такъ какъ въ то время тамъ гуляли дамы и мальчики (батчи) гарема, и мы стали прощаться, торопясь уѣхать въ лагерь ранѣе хана; но придворные требовали, чтобы мы вернулись во дворець, гдѣ, по ихъ словамъ, было уже готово угощеніе и пловъ. Боясь, чтобы насъ не окормили соннымъ порошкомъ, что часто

практиковалось не только съ отдѣльными личностями, но и съ цѣлыми посольствами сосѣднихъ ханствъ, мы наотрѣзъ отказались отъ плова, хотя и знали, что таковой отказъ считается у сартовъ большимъ невѣжествомъ. Уступивъ наконецъ нашимъ просьбамъ, насъ проводили къ выходнымъ воротамъ, гдѣ три придворныхъ служителя ожидали насъ съ ханскими подарками. Каждому изъ насъ предназначалось по 9 халатовъ. При нашемъ приближеніи всѣ 27 халатовъ были разложены для обзрѣнія ихъ, и они пестрѣли всѣми цвѣтами радуги. Два-три были парчевые, но на ситцевой подкладкѣ, большинство же изъ матеріи изъ сырого шелка пополамъ съ бумагой, изъ каковой обыкновенно дѣлаются сартовскіе халаты, такъ какъ Магометъ, желая отвратить правовѣрныхъ отъ роскоши, запретилъ мужчинамъ носить чисто шелковыя ткани. Мы поблагодарили за подарки, но принять ихъ отказались, ссылаясь на то, что, будучи верхами, мы не въ состояніи были ихъ взять съ собою, а главное, не предвидя ихъ, мы не имѣли съ собою вещей, которыми могли бы, согласно обычаю, отдарить придворныхъ отъ себя, взаимѣ этихъ халатовъ. Церемоніймейстеръ, видимо, обрадовался нашему отказу и сердечно простился съ нами. Вѣсть, что у хана въ гостяхъ три русскіихъ офицера, собрала на дворцовой площади тысячную толпу, чрезъ которую удалось проѣхать лишь бросая мелкія монеты, за которыми толпа, давя другъ друга, бросалась въ стороны, освобождая намъ путь.

Вернувшись въ лагерь, мы застали уже тамъ хана, который, видимо, проговорился о нашемъ къ нему визитѣ; но все кончилось тѣмъ, что вечеромъ былъ полученъ приказъ полевого штаба, строго воспрецававшій поѣздки въ городъ.

Чрезъ нѣсколько дней миръ былъ заключенъ. Мы присоединяли къ себѣ лишь правый берегъ Сыръ-Дарьи (Наманганскій отдѣлъ), всѣ же земли по лѣвому берегу попрежнему составляли независимое владѣніе хана Насръ-Эддина, и войска наши лишь прошли чрезъ Кокандъ, остановившись на нѣсколько минутъ на дворцовой площади, пока ген. Кауфманъ отдавалъ визитъ хану, во время котораго генераль взобрался и сидѣлъ на ханскомъ тропѣ. Но послѣ ухода нашихъ войскъ Насръ-Эдинъ не сумѣлъ сохранить своего трона. Вскорѣ начались бунты, и ему пришлось, подобно отцу, бѣжать подъ защиту русскіихъ. Ханство было присоединено къ Россіи подъ названіемъ Ферганской области, а ханъ водворенъ въ Россіи. Во время этого бѣгства Насръ-Эдинъ остановился въ Махрамѣ, въ тамошнемъ дворцѣ, ожидая рѣшенія своей участи. Какъ разъ въ то же время я проѣздомъ былъ въ Махрамѣ и зашелъ во дворецъ. Ханъ со свитою, всего изъ трехъ человѣкъ, сидя на полу пустой комнаты, ѣлъ пловъ. Онъ узналъ меня и пригласилъ къ плову. На высказанное мною удивленіе, что примѣръ изгнанія

его отца за жестокости не былъ имъ принять къ свѣдѣнію и онъ продолжалъ тѣ же ужасныя казни, какъ сажаніе на колья, и тѣ же звѣрскія забавы, какъ кормленіе огромныхъ сомовъ живыми людьми, Насръ-Эддинъ философски отвѣтилъ, что если онъ такъ дѣлалъ, то, слѣдовательно, этого хотѣлъ Аллахъ, такъ какъ на все воля Аллаха и противъ предопредѣленія человѣкъ идти не можетъ. Послѣ этого свиданія я болѣе съ Насръ-Эджиномъ уже не встрѣчался.

К. К. Трионовъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРОТИВУ ШАЙКИ БАТЫРЬ-ТЮРЯ ВЪ НАМАН- ГАНСКОМЪ ОТДѢЛѢ.

(Корреспонденція «Русскаго Инвалида»).

Читателямъ, вѣроятно, уже извѣстно, что нашими войсками, изъ лагеря подъ Наманганомъ, сдѣланъ былъ, въ концѣ сентября и въ началѣ ноября, рядъ набѣговъ, имѣвшихъ цѣлю вызвать наружу политическій нарывъ Коканскаго ханства, именуемый «кипчацкой партіей».

Первый ударъ разразился надъ Андиджаномъ; но разгромъ и штурмъ этой кипчацкой Мекки послужилъ только къ большому воспламененію фанатизма нашихъ враговъ, которые, видя малочисленность русскихъ въ ханствѣ, рѣшили попытаться еще разъ призвать народъ къ оружію, чтобы «изгнать кяфыра, сквернящаго своими нечистыми стопами благодатную страну, гдѣ славится имя пророка».

Замѣтимъ кстати, что ни одинъ изъ нашихъ походовъ въ Средней Азіи не былъ совершенъ съ столь малыми силами, какъ послѣдній Коканскій: подъ Махрамомъ, на примѣръ, русскій отрядецъ съ обозомъ могъ бы быть закиданъ, если не шапками, то, навѣрное, халатами шестидесяти тысячъ «любимыхъ воиновъ» пророка. Когда мы переправились на правый берегъ у Намангана и стали уже на русскую землю, наши новые подданные, не видавшіе во очію ни махрамскаго погрома, ни его первыхъ послѣдствій, дѣйствительно могли усомниться, точно ли застрахована эта горсть невѣрныхъ отъ острыхъ кипчацкихъ клынчей, съумѣвшихъ отдѣлаться даже отъ такой грозной силы, какою казался здѣшнему люду бывшій его владыка и обидчикъ, ханъ Худояръ. И вотъ, по уходѣ изъ Наманганскаго лагеря частей отряда въ набѣгъ на Андиджанъ и въ другія мѣста, наши силы подъ Наманганомъ сократились до весьма скромныхъ размѣровъ; этою-то минутою воспользовались разные вліятельные изувѣры, въ родѣ высланнаго на жительство въ европейскую Россію Иссаулія, чтобы пустить въ ходъ богоугодныхъ людей (имъ же нѣсть числа на туземныхъ базарахъ), для проповѣдыванія противъ насъ войны во славу ислама. Наша малочисленность и, главное, полная невозможность, до времени, какихъ бы то ни было, съ нашей стороны, полицейскихъ мѣропріятій способствовали этимъ проискамъ.

Первымъ послѣдствіемъ воззванія было, какъ мы потомъ узнали, разграбленіе на дорогѣ изъ Ходжента въ Наманганъ двухъ почтъ, транспорта съ инженернымъ имуществомъ и купеческаго каравана Громова, везшаго чай и сахаръ для довольствія нижнихъ чиновъ Наманганскаго отряда. Когда эти обычные подвиги мѣстныхъ шаекъ нѣсколько поободрили враждебную намъ часть населенія, то подъ Наманганомъ,

верстахъ въ 12-ти отъ нашего лагеря, за лабиринтомъ арыковъ, рисовыхъ полей и овраговъ, начали собираться кипчакскія шайки.

Съ цѣлью разогнать эти шайки, всячески тормозившія мирный трудъ жителей благодатнаго и въ высшей степени производительнаго края, и наказать участниковъ и главныхъ виновниковъ беспорядка, былъ посланъ изъ подь Намангана отрядъ, въ составѣ шести ротъ пѣхоты, двухъ съ половиной казачьихъ сотенъ, взвода саперовъ и дивизиона батарейныхъ орудій, подь начальствомъ начальника отряднаго штаба, полковника Фриде. Начальнику отряда было приказано, не допуская никакого частнаго проявленія насилія со стороны нижнихъ чиновъ, предавать пламени имущество коноводовъ и главныхъ участниковъ смуты.

Такая мѣра, какъ ни кажется она крутою съ европейской точки зрѣнія, здѣсь, въ извѣстныхъ случаяхъ, необходима. Чтобы этому повѣрить, надо знать и видѣть Среднюю Азію и ту бездонную глубь нравственнаго запустѣнія, въ которую ее засосалъ исламизмъ, этотъ двѣнадцативѣковой врагъ и бичъ человѣчества. Желѣзная дисциплина нашихъ несравненныхъ войскъ, не позволяющихъ себѣ брать ничего силою и за все, необходимое для ихъ содержанія, платящихъ деньги, имѣеть въ глазахъ среднеазіатцевъ значеніе совершенно обратное европейскимъ понятіямъ, и возбуждаетъ въ нихъ лишь мысль о слабости невѣрныхъ, чувствующихъ шаткость своего положенія въ занятомъ ими краѣ. Вотъ почему, въ случаѣ проявленія наружу враждебнаго настроенія къ намъ въ населеніи, недостаточно разсѣять одни только вооруженныя скопища жителей, а необходимо нанести имъ чувствительное наказаніе уничтоженіемъ или разореніемъ имущества наиболѣе упорствующихъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ.

Итакъ, 9-го октября, въ 5^{1/2} часовъ утра, отрядъ нашъ выступилъ съ бивака у Намангана и втянулся въ городъ, изъ котораго и выбрался на дорогу въ селеніе Чартакъ. Колонна двигалась молча, плотно подтянутой массой и съ чрезвычайной быстротой. Пѣхота шла какимъ-то особымъ, выработавшимся у туркестанцевъ, шагомъ, такъ что казачьи сотни едва за нею поспѣвали.

Едва лишь вышли мы изъ наманганскихъ садовъ на окраину степи, какъ на далекихъ вершинахъ и гребняхъ холмовъ показались непріятельскіе пикеты: черныя, удлиненные точки то появлялись, то исчезали, двоились, троились..., сойдясь опять, неслись въ разныя стороны и пропадали изъ виду. Видно было, что тамъ, влѣво отъ насъ, за гребнями скалистыхъ холмовъ, наше внезапное появленіе надѣлало страшную суматоху.

Колонна немедленно перестроилась въ боевой порядокъ, но вскорѣ должна была перейти опять въ походный: степь, на далекое разстояніе, вправо и влево отъ дороги, была затоплена водою, пущенной изъ арыковъ, часа не болѣе какъ за два до нашего прихода. Жирная глина степи успѣла на столько расплыться, тамъ гдѣ она пропиталась водою, что не только орудіямъ и повозкамъ, но даже пѣхотѣ нельзя было идти по этому вязкому грунту. Пройдя безъ особыхъ приключеній, и все время въ виду непріятельскихъ пикетовъ, верстѣ 10 степью, мы вступили, наконецъ, въ дефиле изъ непрерывнаго ряда хуторовъ и селеній, тянущихся по русламъ потоковъ, на сотни верстѣ къ востоку отъ Намангана, въ самую глубь кипчакскихъ земель. Глина мало по мало перешла въ мелко-гальковую кашу, отличающуюся, при содѣйствіи солнца и влаги, изумительнымъ плодородіемъ.

Дорога вилась садами, между глиняныхъ заборовъ, изъ-за которыхъ на нее склонялись вѣтви густыхъ кайрагачей, чинаровъ, орѣховыхъ, миндальныхъ и тутовыхъ деревьевъ. Повсюду видѣлись виноградники, достигающіе мѣстами такихъ размѣровъ, что подъ ихъ сводами свободно могли бы укрыться нѣсколько баталіоновъ; виноградники были обсажены неизмѣнными гранатовыми и фиговыми древовидными кустами.

На первыхъ десяти верстахъ, однако, изъ хозяевъ этого непрерывнаго сада никого не было видно; позаперевъ лазейко-образныя дворцы своихъ домовъ, они частью попрятались, а болѣею частью уведены были въ шайки однимъ изъ главнѣйшихъ коноводовъ возникшихъ беспорядковъ — Батырь-тюрей.

Къ 9-ти часамъ утра отрядъ подошелъ къ селу Чартаку, наличные жители котораго вышли на встрѣчу начальнику отряда. Полковникъ Фриде, какъ при входѣ въ кышлакъ, такъ и на перекресткахъ, гдѣ стояли довольно, впрочемъ, жиденькія кучки правовѣрныхъ, отъ имени ярымъ-падшаха, (туркестанскій генералъ-губернаторъ) объявлялъ имъ, что онъ присланъ наказать вожаковъ смуты, а мирному населенію совѣтывалъ не слушаться дурныхъ людей и жить мирно; что урусъ-сарбазы посланы не противъ нихъ, а противъ тѣхъ разбойниковъ, которые тревожатъ и грабятъ беззащитный народъ; что ихъ казы не только не воспротивился Батырь-тюрь, но даже сталъ первымъ его пособникомъ и ушелъ въ шайку, и что за это его домъ и имущество будутъ нынѣ же сожжены; что эта кара постигнетъ всѣхъ аксакаловъ, казы и муфти, которые будутъ за одно съ врагами Акъ-падишаха (Государь Императоръ), и что всякій кышлакъ, оставленный жителями передъ приходомъ отряда, будетъ преданъ огню.

Дѣйствительно, команда казаковъ, подъ начальствомъ офицера, тутъ же сожгла и домъ, и имущество казы; на глазахъ у наличныхъ жителей кышлака; все до тла было уничтожено: шелковые и парчевые халаты, куски матерій и т. д. Захватили только компрометировавшія казы бумаги, да одну изъ тѣхъ огромныхъ плетей, которыми мѣстныя судебныя власти внушаютъ «божьему народу» покорность, благочестіе и благоправіе. Это—прибитая гвоздями къ короткому и толстому кнутовищу ременная полоса, длиной въ $\frac{3}{4}$ арш., шириной и толщиной безъ малаго въ ладонь, стачанная изъ трехъ слоевъ воловьей шкуры. Конецъ плети былъ изрядно обить: надо полагать, она висѣла въ приемной не для одного вида.

Въ Чартакѣ мы узнали, что Батырь-тюря былъ тутъ наканунѣ, на разсвѣтѣ, перебударажилъ жителей и, въ тотъ же день, ушелъ въ Янгы-курганъ, гдѣ, по слухамъ, и собрались кипчакскія шайки. Тронулись мы на Янгы-курганъ. Дорога тѣмъ временемъ незамѣтно подобралась подъ самые гальковые яры, окаймляющіе съ сѣвера долину, въ которую мы втянулись, и надъ нами нависли обрывы, мѣстами до 15 сажень вышиною. Вдали, внѣ всякой мечты о ружейномъ выстрѣлѣ снова показались скрывшіеся было на время непріятельскіе наѣзники; они поминутно подскакивали къ самымъ краямъ обрывовъ, затѣмъ, круто поворачивали коней и исчезали, смѣняясь новыми.

Начальникъ отряда приказалъ взобраться на кручи и разсыпаться тремъ полувзводамъ пѣхоты и сильному казачьему разъѣзду; но какъ наши ни высматривали, никого кромѣ вышеупомянутыхъ рѣдкихъ непріятельскихъ всадниковъ на плоскогорьѣ видно не было. Общее мнѣніе было то, что кипчаки засѣли въ Янгы-курганъ, и что придется выживать ихъ оттуда штыками.

Послѣ небольшого привала, мы продолжали движеніе, и на пути приказано было зажечь одинъ изъ капчакскихъ кышлаковъ, жители котораго ушли въ шайку Батырь-тюря. Въ то время, когда пламя охватило часть селенія, мы увидали, въ верстѣ отъ хвоста нашей колонны, толпу всадниковъ, тысячи въ полторы, несшихся съ гиками въ долину, съ намѣреніемъ не допустить распространеніе пожара. Часть ихъ побѣжала въ горѣвшій кышлакъ; остальные стали насѣдать на аррьергардъ, гдѣ шла рота пѣхоты и $2\frac{1}{2}$ казачьихъ сотни. Толпы наѣзниковъ метались вокругъ аррьергарда, то подскакивая къ нему шаговъ на 300—500, то снова пропадая за полями джугары и виноградниками. Тѣмъ временемъ, цѣпь наверху разглядѣла влѣво, на плоскогорьѣ, новыя массы непріятеля. Дали знать начальнику отряда, который остановилъ голову

колонны, послалъ въ арьергардъ еще роту, да двѣ роты на верхъ и, плотно стянувъ главныя силы, продолжалъ движеніе, но уже не на Янгы-курганъ, а свернулъ влѣво, въ ту сторону, гдѣ, по донесенію офицера, командовавшаго цѣпью на верху, виднѣлись главныя силы непріятеля.

Однако, сцѣпиться не удалось. Свернувъ съ главной дороги на боковую, мы попали въ логъ, по дну котораго бѣжалъ глубокій арыкъ, въ обрывистыхъ берегахъ. Артилерія не могла бы шагу далѣе ступить безъ помощи саперовъ, а расчищать ей дорогу надо было, по крайней мѣрѣ, часа три. Между тѣмъ офицеръ, командовавшій пѣхотой, посланной на верхъ, спустился въ логъ и доложилъ начальнику отряда, что главныя силы непріятеля—какъ на ладони. Дѣйствительно, взобравшись на крутой холмъ, мы увидѣли на сѣверѣ, за широкимъ арыкомъ и грядами передовыхъ холмовъ, верстахъ въ трехъ отъ насъ, тысячи четыре всадниковъ, шедшихъ тремя толпами, медленно, но прямо на насъ; впереди ихъ бѣсновались наѣздики. Сзади насъ, въ изумрудной долинь, ярко пылали зажженные нами хутора. Арьергардъ медленно вступалъ на боковую дорогу; цѣпь отстрѣливалась, а вслѣдъ за ней, на приличной дистанціи, неистовствовали живописные и безвредные рои наѣздиковъ.

Солнце садилось. Было пять часовъ вечера. Отрядъ прошелъ 28 верстъ. Глядя на ночь, нельзя было и думать ввязываться въ бой на такой мѣстности; напротивъ, желательно было, не распугивая теперь непріятеля, дать ему время собраться, чтобы съ утра начать рѣшительныя противъ него дѣйствія. Наконецъ, отступить на большую дорогу, на поиски за ночлежнымъ пунктомъ, было бы слишкомъ рисковано, въ виду приближавшагося кипчакскаго скопища. Итакъ, рѣшили, стать бивакомъ на верху холма и, примѣрно, въ верстѣ отъ арыка. Стрѣлки отогнали отъ противоположнаго гребня, навѣшатаго надъ самой водой, нѣсколько непріятельскихъ пикетовъ, а затѣмъ, пущенныя съ 1,300 сажень девять обыкновенныхъ гранатъ обезпечили намъ спокойный ночлегъ. Непріятельскія толпы, изъ которыхъ одна подбиралась къ нашему лѣвому флангу, поспѣшно повернули назадъ и скрылись изъ виду, а съ наступленіемъ темноты исчезли куда то и рой всадниковъ, кружившіе сзади и съ фланговъ.

Потеря непріятеля, сравнительно съ общимъ его числомъ, была, по всему вѣроятію, весьма ничтожна; но гранаты навели на него такую панику, что большая часть шайки (какъ мы послѣ узнали) разбрелась по домамъ въ ту же ночь.

Военныя дѣйствія набѣга, собственно говоря, такъ и закончились этими семью гранатами. Вплоть до самаго Намангана мы уже не видали ни одного верховаго, а въ го-

родахъ Касанѣ и Тюря-курганѣ и во всѣхъ промежуточныхъ кышлакахъ, населеннымъ кипчаками, были встрѣчены съ достарханомъ тѣми самыми жителями, которые наканунѣ пытали счастья въ полѣ и успѣли во-время вернуться.

Однако же, послѣдующія событія показали, что покорность ихъ была только отводомъ, не болѣе. Послѣ нашего ухода, шайки вскорѣ снова собрались, и еще въ большемъ количествѣ. Онѣ разошлись лишь на самое короткое время, един-

ственно въ виду пожаровъ, уничтожившихъ жилища и имущество участниковъ мятежа.

10-го, снявшись съ ночлега, мы пошли на городъ Касанъ и, не доходя до него верстъ пятнадцать, сожгли три кипчакскихъ степныхъ хутора, жители которыхъ отвели воду и убѣжали въ шайки. Касанцы, поголовно участвовавшіе въ сборищѣ наканунѣ, успѣли къ нашему приходу въ городъ наполовину вернуться, и встрѣтили насъ съ величайшею предупредительностью и усердными пожеланіями всякой гибели кипчакамъ (т. е. самимъ же себѣ). Мы ночевали въ Касанѣ двѣ ночи; четвертый ночлегъ былъ въ Тюря Курганѣ, а на пятый день возвратились въ Наманганъ.

Начиная отъ Касана, мы шли по живописной дорогѣ, по такой мѣстности, о которой лишь немногіе европейскіе ландшафты въ состояніи дать приблизительное понятіе. Эти изумрудныя долины, съ ихъ быстрыми и свѣтлыми потоками, огромные, гранитные края, широкія плоскогорья, съ сверкающей зеленью разсыпанныхъ по нимъ хуторовъ, и надо всѣмъ этимъ лазурное небо и пламенное солнце.. все это придавало поэтическій колоритъ этому благословенному уголку Средней Азіи.

Весь набѣгъ продолжался четыре дня, изъ которыхъ два послѣдніе носили вполне характеръ мирно-военной прогулки. Больныхъ и слабыхъ, по обыкновенію, не было.

Капитанъ Розбергъ.

ЗАМѢТКИ.

КРЕЩЕНІЕ КОКАНЦА ВЪ ГОРОДѢ ОМСКѢ

(Корреспонденція «Странника»).

Въ Омскѣ, Семипалатинскѣ, Усть-каменогорскѣ, Петропавловскѣ, Кокчетавѣ и другихъ городахъ, селахъ и станицахъ, расположенныхъ или по линіямъ Иртышской и Горькой, или въ сосѣдней съ ними Киргизской степи случаются обращенія къ вѣрѣ христіанской частію изъ іудеевъ и идолопоклонниковъ, а преимущественно изъ магометанъ—киргизъ и татаръ. Но всѣ, или почти всѣ эти обращенія бываютъ мало интересныя, самыя обыкновенныя: напр. киргизъ байгушъ (нищій, бѣднякъ) принимаетъ христіанство, думая, что авось Господь Іисусъ Христосъ милостивѣе Магомета и что авось Онъ расположитъ христіанъ—русскихъ къ прокормленію его и его голодной семьи; или молодая жена стараго киргиза принимаетъ вѣру Христову въ увѣренности, что чрезъ это она избавится стараго мужа и, быть можетъ, выйдетъ за молодаго русскаго, или хотя и киргиза же, но выкрещеннаго и—главное—за молодаго; иной молодой киргизъ крестится потому, что съ дѣтства жилъ у русскихъ въ пастухахъ или работникахъ, привыкъ жить въ домѣ и слѣдовательно въ теплѣ—даже и зимой, привыкъ питаться хорошимъ хлѣбомъ и другими съѣстными припасами досыта, видѣть въ домахъ чистоту и опрятность,¹ носить бѣлье и верхнее платье, хотя и простое, но и опять таки чистое, опрятное и въ достаточномъ количе-

¹ Сибирячки крестьянки и казачки дѣйствительно любятъ наблюдать въ своихъ домахъ чистоту и опрятность, къ чему привыкаютъ и переселенки въ Сибирь изъ Россіи, только не вдругъ, не скоро.

ствѣ, а также и видѣть во многихъ добрыхъ семействахъ моленіе Богу всѣхъ членовъ семейства по утрамъ и вечерамъ, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, предъ началомъ работъ и проч., — и этотъ молодой степнякъ, привыкшій ко всему русскому, страшится возвратиться къ киргизскому житію въ холодъ (въ войлочныхъ юртахъ) и голодъ, часто въ нищетѣ и безъ богомоленія, всегда въ неряшествѣ и проч., и вотъ онъ начинаетъ твердить христіанскія молитвы, а наконецъ подаетъ прошеніе о крещеніи его, чего, конечно, и сподобляется.¹

Не таково было обращеніе и послѣдовавшее за тѣмъ, 24 февраля сего 1877 года въ Омской казачье-войсковой Николаевской церкви, крещеніе молоденькаго магометанина. Сейчасъ названный магометанинъ — по имени *Хакимъ*, 8 лѣтъ, былъ природный сартъ, подданный бывшаго Коканскаго ханства, изъ самаго города Кокана. При взятіи русскими войсками столицы коканской, Хакимъ лишился отца, матери и другихъ родственниковъ и вмѣстѣ со многими другими коканцами бѣжалъ въ сосѣднія горы (по выраженію русскихъ простолюдиновъ, въ камни), тамъ былъ настигнутъ и взятъ въ плѣнъ посланными за бѣглецами въ погоню казаками и за тѣмъ начальствомъ казачьяго отряда отдавъ подъ надзоръ, или лучше сказать — для прокормленія и охраненія 1-го сибирскаго казачьяго полка изъ гор. Кочетава, молодому лѣтъ 23 или 24, казаку Митрофану *Перемитину*, разумѣется — согласно собственному желанію сего послѣдняго. Казакъ Перемитинъ поилъ, кормилъ мальчика, какъ могъ — одѣвалъ и обувалъ его, обращался съ нимъ ласково, даже за его смышленность, расторопность и вообще за всякаго рода качества полюбилъ его, какъ будто бы брата своего маленкаго, или даже какъ бы сына; да и мальчикъ привыкъ, привязался къ казаку, своему питателю, какъ бы къ своему брату, или лучше какъ бы къ своему родному отцу. И вотъ на это доказательства: когда въ Коканѣ все поуспокоилось, когда коканцы покорились русскимъ и перестали волно-

¹ У пишущаго эти строки въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ жили въ кучерахъ два выкрещенные киргиза — Иванъ и Степанъ, принявшіе христіанство именно по такимъ обстоятельствамъ. Впрочемъ, оба они были хорошіе люди и порядочные христіане; послѣдній притомъ честный (мелкій) торговецъ, а первый (Иванъ) непрестанный и неустанный путешественникъ на поклоненіе св. мѣстамъ не только русскимъ, но и палестинскимъ.

ваться, то не мало находилось сартовъ, киргизъ и другихъ магометанъ изъ бывшихъ коканскихъ подданныхъ, которые готовы были, такъ сказать, вырвать изъ рукъ христіанина и принять къ себѣ на воспитаніе сироту — единоплеменника и единовѣрца, маленькаго Хакима; но Хакимъ ни за что не хотѣлъ отстать отъ казака Перемитина и ни къ кому другому не шелъ на житье, даже, какъ самъ онъ тогда толковалъ, не пошелъ бы и къ отцу своему родному, если бы онъ и оказался живъ, (между прочимъ и потому, что отецъ его былъ въ семейной жизни нехорошій человѣкъ и что промышлялъ онъ конокрадствомъ, за что неоднократно подвергался наказаніямъ и отъ бывшего своего коканскаго начальства).—Будучи около полутора года неразлученъ съ своимъ, какъ говорятъ, поильцемъ и кормильцемъ и постоянно во все это время находясь между русскими, будучи притомъ весьма способнымъ отъ природы, мальчикъ Хакимъ скоро выучился говорить по русски, даже успѣлъ затвердить нѣсколько христіанскихъ молитвъ.

Въ осени прошедшаго года истекъ срокъ службы отряду 1-го полка сибирскаго линейнаго казачьяго войска въ Туркестанѣ и ему нужно было возвратиться въ мѣста своего расположенія т. е. въ Акмолинскую область, въ гор. Бокчетавъ и сосѣднія съ нимъ станицы и выселки. Малолѣтній сартъ Хакимъ ни за что не хотѣлъ отстать отъ сибирскихъ казаковъ и остаться на родинѣ; даже онъ началъ заявлять желаніе принять крещеніе. Посему Перемитинъ и сталъ хлопотать, чтобы отпустили Хакима съ нимъ въ Сибирь, окончательно отдали бы сироту на его попеченіе. Начальство Сырдарьинской области не нашло къ тому препятствія;¹ и вотъ осьмилѣтній сартъ потянулся изъ Ташкента съ партіей казаковъ въ Бокчетавъ.—Въ пути Хакимъ, не смотря на свое малолѣтство, по своей смышленности, расторопности и знанію мѣстныхъ языковъ и народныхъ обычаевъ, нерѣдко бывалъ полезенъ не только для своего попечителя, а и для цѣлой партіи, при которой онъ находился: партія только еще выступаетъ съ мѣста дневки или ночлега, а Хакимъ уже несется верхомъ впередъ въ аулы (деревни, селенія

¹ Окончательное свидѣтельство о томъ дано Перемитину отъ 18 октября 1876 г. за № 9309-мъ, за подписомъ начальника гор. Ташкента, полковника Мединскаго.

кочевниковъ), лежащія на пути, по прїѣздѣ знакомятъ тамъ съ аульными, узнаютъ, кто изъ жителей погостепріимнѣе или посостоятельнѣе, за тѣмъ встрѣчаютъ свою партію и сообщаютъ, кому слѣдуетъ, нужныя свѣдѣнія; партіонный начальникъ обращается съ ласками, съ вѣжливостію къ указаннымъ изъ мѣстныхъ жителей, — и вся партія сыта и довольна.¹—На пути же слѣдованія для Хакима, а и еще того болѣе для казака Перемитина встрѣчалось нѣсколько искушеній: сарты и киргизы, видя, что ихъ малолѣтній соплеменникъ и единовѣрецъ ѣдетъ съ русскими и къ рускимъ на житье, и соображая, что онъ, пожалуй, приметъ и вѣру русскихъ, предлагали свои усердныя услуги принять его на свое попеченіе и воспитать его, какъ своего роднаго, а казака избавить чрезъ то отъ напрасныхъ издержекъ и неинтересныхъ для него хлопотъ и пр. и пр. Въ особенности же сильно было искушеніе для Перемитина въ Семипалатинскѣ: здѣсь одинъ татаринъ² предлагалъ Перемитину за то, если онъ передастъ Хакима ему на воспитаніе, 300 р. денегъ и двухъ лошадей; казакъ однакожь побѣдилъ какъ предыдущія, такъ и это послѣднее искушеніе, отвергъ соблазнительное для него предложеніе, — и это сдѣлалъ онъ тѣмъ охотнѣе, что мальчикъ никакъ не соглашался отстать отъ него, что мальчикъ уже настоятельно требовалъ, сколько можно скорѣе, крестить его, чего однакожь нигдѣ на пути отъ самаго Ташкента, а равно и въ Семипалатинскѣ, за непродолжительностію остановокъ тамъ партіи, сдѣлать было невозможно.

Въ Омскѣ, чрезъ 700 верстъ отъ Семипалатинска, кончились для мальчика — сарта томленіе и боязнь, какъ бы не остаться на всю жизнь магометаниномъ, а для казака, его попечителя — искушенія, соблазны — оставить за деньги, за подарки отъ магометанъ, желающаго просвѣтиться свѣтомъ Христовымъ во тѣмъ магометанскаго лжевѣрія. — Такъ какъ партіи казаковъ, возвращавшейся со службы изъ Туркестанскаго края, въ Омскѣ, какъ резиденціи управленія сибирскаго казачьяго войска, необходимо было остановиться на нѣ-

¹ Отъ Ташкента до Омска отрядъ шелъ 4 мѣсяца, но отъ мѣста своего постоянного расположенія, изъ Ферганской области, онъ тянулся цѣлыхъ 6 или 7 мѣсяцевъ.

² Семипалатинскъ едва ли не преимущественно населенъ татарами; о числѣ ихъ тамъ и ихъ достаткѣ можно заключить изъ того одного, что у нихъ 6 или 7 мечетей, тогда какъ у христіанъ только двѣ церкви.

сволько сутокъ, слѣдовательно для казаковъ свободнаго времени могло быть довольно много, и такъ какъ Хакимъ все настойчивѣе и настойчивѣе упрашивалъ окрестить его поскорѣе, то Перемитинъ и его начальникъ—урядникъ и обратились къ духовенству казачье-войсковой Николаевской церкви съ просьбою о крещеніи осьмилѣтняго сарта Хакима. Духовенство не отказалось исполнить эту святую просьбу: мальчикъ—круглый сирота, слѣдовательно не кого (что—пожалуй—при другихъ обстоятельствахъ и нужно бы было сдѣлать) спрашивать о согласіи на принятіе имъ крещенія; мальчикъ начальствомъ Сыръ-дарьинской области отданъ на (полное) попеченіе протившаго его казака; мальчикъ хорошо одѣтъ и обутъ и чисто, опрятно содержится, слѣдовательно любимъ своимъ попечителемъ; мальчикъ самъ высказываетъ сильнѣйшее желаніе сколько можно скорѣе креститься и, кромѣ того, уже приготовленъ ко крещенію, довольно удовлетворительно знаетъ и отчасти понимаетъ христіанскія молитвы, въ чемъ казачье духовенство лично удостовѣрилось чрезъ испытаніе желавшаго креститься; а Перемитинъ съ своей стороны еще сдѣлалъ формальное, письменное заявленіе, или что также—обязательство воспитывать сироту по-христіански и, что тоже важно, для утвержденія въ вѣрѣ отдать его въ имѣющееся въ Кокчетавѣ казачье училище, гдѣ между прочимъ преподается и Законъ Божій. И вотъ осьмилѣтній сартъ Хакимъ 24 февраля сего 1877 года, какъ уже и сказано въ началѣ статьи, въ Омской казачье-войсковой церкви¹ старшимъ священникомъ оной и вмѣстѣ городскимъ благочиннымъ П. Пономаревымъ, по нареченіи *Іоанномъ*, сподобленъ св. крещенія и миропомазанія. Восприемниками отъ купели были попечитель, воспитатель крещеннаго кокчетавскій казакъ Митрофанъ Перемитинъ и набожная, притомъ очень добрая, старушка Ал. Ст. Чернавина.

Дня черезъ два или три послѣ того, казаки, а при нихъ и новокрещенный Иванъ Перемитинъ (настоящая фамилія новокрещеннаго)

¹ Прекрасная омская Николаевская церковь называется *казачьею и войсковою* отъ того, что она построена (въ 1830—1842 гг.) на пожертвованіи отъ всего сибирскаго линейнаго казачьяго войска и доселѣ состоитъ въ завѣдываніи казачье-войсковаго правленія. Духовенство ея жалованье получаетъ изъ войсковыхъ суммъ, и жалованье его нѣсколько выше жалованья духовенства, состоящаго при прочихъ церквахъ казачьяго вѣдомства.

отправились въ мѣсто своего жительства, т. е. въ степной городокъ (отъ Омска слишкомъ въ 500 верстахъ) Кокчетавъ. Священникъ, окрестившій осьмилѣтняго сарта, имѣеть вскорѣ писать кокчетавскому священнику, чтобы онъ присмотрѣлъ за новокрещенымъ, чтобы онъ обращалъ особенное на него вниманіе какъ въ училищѣ, такъ и въ домѣ у казака Перемитина.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

2 апрѣля 1877 года.

Омскъ.